Елизавета КВИЛИНKOVA

ОБЫЧНОЕ ПРАВО ГАГАУЗОВ. XIX – первая половина XX в.

Обычное право – явление социально-регулятивной культуры традиционного общества. Это правила и образцы (модели) поведения, следование которым было обязательным условием в социальной жизни общества. В прошлом социальные институты строились на основании обычно-правовых норм, традиционного правопорядка, регулирующего взаимоотношения между человеком и обществом.

Социокультурные регуляторы поведения (религиозные представления, традиции, обычно-правовые нормы) и в настоящее время продолжают проявляться, особенно в традиционных обществах¹. В юридической антропологии даже «утвердилось общее понятие правового плюрализма как правовой ситуации, при которой правовое бытие человека определяется одновременно и нормами официального (государственного) писаного права, и нормами так называемого «традиционного», или обычного, права, и другими квазинормативными регуляторами². Некоторые моменты, связанные с обычным правом гагаузов, отражены в статье болгарского этнографа Д. Тодоровой «Преживелици от обичайното право във Варненско»³. Описание обычно-правовых норм и регламентаций, бытовавших в традиционной культуре бессарабских гагаузов в конце XIX – начале XX в., содержится в работе В.А. Мошкова⁴. По различным аспектам обычного права гагаузов нами опубликован ряд статей⁵. В данной статье мы остановимся на некоторых общих моментах, отражающих обычное право гагаузов XIX – первой половины XX в. В работе приведены материалы, собранные автором в результате полевых исследований, а также сведения, обнаруженные в фондах Национального архива РМ.

Обычное право гагаузов, отмечают болгарские ученые Д. Маринов, С. Бобчев, М. Андреев, П. Оджаков, В. Балджиев, Б. Боев, И. Гешов и др., во многом схоже с аналогичным правом болгар, что объясняется длительным совместным проживанием в едином регионе с характерными для него чертами общественно-экономического развития, общей исторической судьбой и религиозной общностью. Однако разделение обычного права по областям разными исследователями проведено по-разному. Так, классик изучения болгарского обычного права С. Бобчев в начале XX в. выделял: гражданское право, семейное право, дого-

ворное право (или вещное право), судебное право, наказательное право.

Одним из важных вопросов обычного права являются семейно-имущественные отношения, наследственное право (вопросы наследования супругой, детьми; раздел наследства; завещание и т.д.). У гагаузов преимущественное право наследования было за мужчиной. Дочь не могла претендовать на наследство, в том числе наследовать землю, если у нее были братья. Такой порядок наследования, когда дочь отстранялась от наследства, сохранялся у гагаузов вплоть до первой половины XX века. Кроме того, у гагаузов, как и у других восточноевропейских народов, при наследовании соблюдался принцип **минората**, согласно которому наследником родительского дома и имущества являлся младший сын. У западноевропейских народов имел место принцип майората, т.е. наследовал старший сын.

У гагаузов отец обычно делил землю поровну между всеми сыновьями и одну долю родители оставляли за собой для собственного пропитания. Доля родителей вместе с родительским домом доставалась младшему сыну как наследнику, который должен был ухаживать за родителями на старости лет. Иногда принцип уравнительности в наделении сыновей землей не соблюдался. Это могло произойти по нескольким причинам: маленький размер отцовского надела, послушание родителей детьми и т.д. Отец обладал правом лишения земельного надела непослушного сына, но зачастую этим правом он пользовался. Обычно такому сыну также выделялся надел, и он должен был сразу же покинуть родительский дом. При этом ему не оказывали помощи при строительстве дома. Отметим, что подобные случаи в селе были редкостью.

В исследуемый период нередко случаи несоблюдения принципа минората. В результате совместного проживания уже с женатыми сыновьями (выдел сыновей происходил примерно через 5-7 лет после женитьбы) отец мог, вопреки существовавшим нормам обычного права, оставить в своем доме не младшего сына, а старшего или среднего. При этом младшего сына выселяли в новопостроенный дом. В подобных случаях нарушение норм обычного права являлось формой наказания непокорного сына, так как доля, получаемая им при выделе, была значительно меньше, чем отцовское наследство. Кроме того, устройство на новом месте требовало больших усилий и материальных затрат.

В то же время власть отца по вопросу раздела наследства в определенной степени ограничивалась общиной. Несмотря на то, что отец был владельцем земли и мог распоряжаться ею единовластно, только в исключительных случаях он прибегал к крайней мере, т.е. к изгна-

нию сына из дома без земельного надела. Роль негласного арбитра в конфликте между отцом и сыном играла сельская община, которая формировала общественное мнение исходя из норм обычного права. Община пыталась не допустить ситуации, когда при наличии земли у отца один из сыновей оставался безземельным. Таким образом, основной целью общины было сохранение каждой семьи в качестве функционирующего (платежеспособного) крестьянского хозяйства, участвующего в выплате налогов, возложенных на общину.

Терминология, относящаяся к области наследования, у гагаузов не развита. Так, для обозначения понятия «наследство» использовались термины – *варлык* (с. Бешалма), *аверя* (с. Джолтай) – в значении имущество, состояние, богатство, *зенгенник* (с. Джолтай) – в значении богатство, добро, *йуртлук* (с. Джолтай) – в значении усадьба, дом с надворными постройками. Понятие «завещание» и «дарение» передаются общим термином — *баашламак*, который происходит от глагола *баашламаа* и обозначает дарить. Для обозначения понятия «наследник» использовалось целое выражение: «*мюлкю калмыш оолуна*» (букв. имущество осталось сыну), «*сааби олэрсын топрайа*» (букв. становишься хозяином земли – с. Болгарево)⁶. Таким образом, понятие «наследство» связано в первую очередь с имуществом и землей, а для обозначения важных понятий, таких как «наследство», «наследование», «наследник», «завещание», «дарение», «движимое имущество», «недвижимое имущество» и др. четкие термины отсутствовали. В настоящее время гагаузы обычно используют термины, заимствованные из русского языка. Это свидетельствует о том, что в области наследства и наследования длительный период продолжали сохранять свою силу нормы обычного права.

Широко были распространены у гагаузов обычаи усыновления и опекуинства. Для обозначения понятия «усыновление» у гагаузов использовался термин *ааретлик алмаа*. Процесс усыновления сопровождался совершением определенного ритуала в доме, где происходила передача ребенка новым родителям, а также в церкви. Незрелость терминов искусственного родства объясняется тем, что оно приравнивалось к кровному родству и, соответственно, использовалась та же терминология⁷. Для обозначения понятия «опекуинство» использовали различные термины: *бакмаа* (букв. заботиться, присматривать), *алдылар бакмаа / калдырмаа* (взяли присматривать / поднимать), *алэрым юстяня о ушаа, бакмаа* (беру ребенка под свою ответственность, присматривать), *опекон* (опекун)⁸. У гагаузов существовало негласное правило: в случае смерти родителей (или одного из родителей, обычно матери) несовершеннолетних детей брали на воспитание ближайшие родственники: дядя или тетя по отцовской линии или бабушка с бабушкой, если они были живы⁹.

По сообщению некоторых информаторов из гагаузских сел Болгарии, обязанность воспитания детей-сирот возлагалась в первую очередь на дядю или тетю по материнской линии. В случае отсутствия таких родственников или при наличии у них больших материальных трудностей сирот воспитывали ближайшие родственники по отцовской линии¹⁰. Сведения о приоритете значения родственников по материнской линии в вопросе об усыновлении детей в случае смерти родителей приводятся также болгарским исследователем Ж. Пимпиревой¹¹. Факт существования более тесных родственных связей между братом матери и ее детьми (т.е. между дядей и племянниками) зафиксирован в фольклоре гагаузов Болгарии¹².

Обычай усыновления и опекуинства являлись одним из способов социальной помощи со стороны более обеспеченных родственников и односельчан своим соплеменникам¹³. Это было нормой поведения. Данная форма взаимоотношений между членами общины нашла отражение в системе гагаузских терминов родства. Всех односельчан называли терминами ближайших родственников: *како* (сестра), *лелю* (сестра матери или отца), *булю* (жена брата), *бати* (брат) и др. Акт усыновления поощрялся общиной путем роста социального капитала (уважение, авторитет) усыновителя среди односельчан, что имело огромное значение в жизни села. Особое место в обычном праве гагаузов отведено институту кумовства.

Согласно нормам обычного права гагаузов, а также официальным сводам законов, действовавшим тогда в Бессарабии, положение женщины и мужчины в семье и в обществе в XIX – первой половине XX в. было принципиально различным. Неравноправность положения женщины проявлялось в различных областях, в том числе в нормах наследования. Привилегированное положение мужчины в семье было основано главным образом на том, что он являлся владельцем земли, так как земля и другое недвижимое имущество передавались по наследству по мужской линии. При наличии сыновей дочерей земель, как правило, не наделяли. Хотя в начале XX в. в некоторых гагаузских селах зажиточные крестьяне, у которых было значительное количество земли, не соблюдали строго данное правило. Но при этом размер надела дочери составлял 1/3 от надела сына¹⁴. Обладание землею не меняло положения женщины в семье, так как она не могла самостоятельно распоряжаться не только семейной собственностью, но и своей. Выходя замуж, дочь получала от матери небольшой надел земли (в основном виноградник) в качестве свадебного подарка, если у матери была земля, являвшаяся ее приданым. Таким образом, зачастую этот надел распределялся и наследовался по женской линии. Земля, полученная дочерью в наследство, вливалась в общее хозяйство супругов.

Однако муж лишь управлял землей, но не мог единолично распоряжаться ею без согласия жены. В случае развода или смерти мужа женщина забирала свою часть земли назад.

Положение женщины после смерти мужа зависело от того, имелись ли у них совместно нажитые дети, а также от того, являлась ли она коренным членом семьи или пришлым. Кроме того, ее статус напрямую зависел как от фактического (возрастного) старшинства, так и от позиционного старшинства, в основу которого ставилось родство по отношению к хозяину дома. Старшинство женщин устанавливалось по мужчине. Жена младшего брата подчинялась жене старшего брата, даже если она была старше ее. В случаях, когда свойство входило в противоречие с возрастом, то во главу угла ставили отношения свойства. В общественной жизни статус женщины также определялся по возрасту ее мужа или по времени изменения мужем социального статуса (венчания). Женщина в обществе занимала определенное положение, которое находилось в прямой зависимости от ее возраста, социального положения и отношений свойства.

Соблюдение в семейных отношениях и в общественной жизни принципа главенства мужа традиционно сохранялось благодаря силе обычного права. Но этот принцип был официально закреплен и в официальном своде «Местные законы Бессарабии». Как и другие местные законы, они были рецептированы из византийского права, адаптированы к местным условиям и действовали в Бессарабии до начала XX в. По этим законам женщина не допускалась к гражданской или общественной должности, не могла никого обвинять в преступлении, если оно не касалось ее самой, не могла усыновлять, не могла при жизни мужа управлять даже своим имуществом и т.д. В законе также оговаривалось, что «если муж высечет или побьет свою жену без всякой из причин... то не дозволяется по сему поводу развода»¹⁵. Таким образом, приниженное положение женщины не характерно только для гагаузских сел, а являлось частью общей картины статуса женщин в Бессарабии.

С середины XX в., с приходом Советской власти, женщина формально была уравнена в правах с мужчинами. Значительно изменился общественный статус гагаузской женщины в связи с включением ее в общественную трудовую деятельность. Но до настоящего времени в быту гагаузов сохранились в несколько измененной форме патриархальные отношения: все хозяйственные договоры заключаются только мужчинами (договор о найме пастуха, об условиях и времени дойки овец, о помоле муки и т.д.). При наличии мужа женщина не может вмешиваться в эту область, которая считается прерогативой мужа. Значительный консерватизм, характерный для этой области обычного

права, объясняется сохранением патриархальности быта, традиционных форм ведения хозяйства и особенностями психологии народа.

Одной из основных функций сельской общины было разрешение вопросов, затрагивающих традиционные нормы нравственности и морали. При нарушении установленных норм использовались различные виды наказаний. Сельская община являлась также субъектом воспроизводства традиций; в ее среде происходило формирование различных локальных вариантов культуры. Семья же выполняла функцию хранения и передачи традиций из поколения в поколение.

Жизнь гагаузского села была строго регламентирована традицией. Хозяйственная и внутриобщинная деятельность была основана на соблюдении обычно-правовых норм и исполнении народных обрядов. На сходах принимались решения о сроках начала и окончания полевых работ, определялось время выгона осенью в поле скота и т.д. Демонстрируя приоритет коллективных интересов над индивидуальными, община тем самым утверждала принцип доверительности в отношениях между членами общины.

Составной частью внутриобщинной жизни был принцип круговой поруки, который поддерживался российским законодательством. Человек оказывался незащищенным, если за него не поручались односельчане. С другой стороны, община обязана была взять на себя функцию перевоспитания провинившегося. Отказ от осуществления этой функции обозначал, что община отказывалась принять человека в свое общество, т.е. изгоняла его из села. Если обвиняемый, отпущенный под поручительство, убегал и скрывался, то за него несли ответственность члены общины (поручители).

Одной из важных функций общины являлось воспитание у своих членов чувства солидарности. Реализации данной функции способствовали общесельские обряды и праздники, которые являлись неотъемлемым компонентом общественной и хозяйственно-трудовой деятельности общины и рассматривались ею как жизненно важные. Посредством общественного мнения община формировала определенный стереотип мышления, нормы поведения, ценностные установки. Считалось, что причиной возникновения природных бедствий (засух, града и т.д.), обрушивавшихся на село, было нарушение норм нравственности кем-либо из членов общины, например, рождение в селе внебрачного ребенка. Поэтому в прошлом женщин, родившихся вне брака, изгоняли из села. Согласно народному обычаю, о факте невесты официально сообщали с помощью специальных обрядовых действий и вербальных формул всем гостям, приглашенным на свадьбу, и всему сельскому обществу¹⁶. Сокрытие этой инфор-

мации, по народным представлениям, грозило навлечь беду на родственников и всех присутствующих гостей.

Наиболее важные вопросы нравственно-этического характера рассматривались на особом совете сельской общины. При отказе парня жениться на девушке, если до этого имела место физическая близость, совет пытался урегулировать этот вопрос, исходя из традиционных норм морали. Для этого использовался метод воздействия на человека с помощью общественного мнения (с. Бешгиоз). Другим действенным средством воздействия общины на своих членов являлось сочинение песен по поводу событий и поступков, привлечших внимание сельского общества. В них содержалась оценочная характеристика произошедшего события, основывающаяся также на общественном мнении. Это свидетельствует о том, что фольклор выполнял функцию передачи традиционных ценностей. Вместе с тем, в нем отражается процесс формирования и изменения некоторых обычайно-правовых норм.

Одним из методов воздействия на провинившегося являлось определение общиной вины и формы наказания. Официальное законодательство выработало свои формы наказания виновных. При этом главной целью было наказание виновного, а не его перевоспитание. Но наказания за различные виды преступлений, применявшиеся в Бессарабии в XIX в. согласно официальному Российскому законодательству и обычному праву гагаузов, значительно различались. Если судебная система Российской империи широко использовала различные формы телесных наказаний (битье плетью, палками, розгами), то способы наказания, применявшиеся у гагаузов согласно обычному праву, были несколько иными. Они были нацелены в первую очередь на изменение поведения человека при помощи психологического воздействия на него. Наиболее действенным способом являлось общественное осмеяние, битье, остракизм, которые в народе использовались как наказания, применявшееся в качестве альтернативы тюремному заключению. При оценке степени тяжести вины исходили из нравственных и моральных норм, которые классифицировали преступление как «большой грех» (*бююк гюна*) и просто «грех» (*гюна*). Согласно обычному праву, при мелком воровстве виновного вместе с украденной вещью, которую он нес на шее или на плечах, водили по селу. Для большего эффекта иногда такое «вождение» устраивали под музыку¹⁷. Процессию сопровождала толпа односельчан, которая осмеивала и оплевывала вора.

О случившемся в селе происшествии (краже, нанесении побоев и др.) докладывали представителям местной власти. Но и они часто действовали в соответствии с нормами обычного права. За мелкие преступления виновного наказывали без привлечения его к судебной от-

ответственности; в руки правосудия его, как правило, отдавали только в случае повторного совершения преступления. Таким образом, передача традиционных ценностей внутри общины и семьи происходила как при посредстве общественного мнения, так и путем принятия принудительных мер, санкционированных общиной.

Рассматриваемые нами традиционные формы наказания широко использовались в прошлом и у других народов. Исследование форм наказаний, применявшихся в XIX – начале XX в. у гагаузов Бессарабии и Болгарии согласно обычному праву, показывает их значительное сходство.

Обычное право является важной частью духовного наследия гагаузов, составной частью этнокультурной идентичности гагаузского народа¹⁸. Многие нормы обычного права гагаузов, особенно семейного права, сохранились и не потеряли своего значения и в настоящее время. Именно они выражают народные представления о правде и справедливости.

Идущий в мире процесс взаимообогащения культур предполагает учет и сохранение элементов национально-этнической специфики, составляющих этнокультурную самобытность народов. Государственная политика должна быть направлена на сохранение культурного своеобразия. Реализация такой политики может проводиться в форме мероприятий, целью которых было бы предотвращение полного и безвозвратного исчезновения обычаев и традиций, в первую очередь, языка. Представляется необходимым закрепление в законе положения об учете обычаев в судебной защите норм обычного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Поворознюк О.А.* Природопользование каларских эвенков: государственное регулирование и традиционная нормативная система // Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии. М., 2003. С. 163-168.
2. *Ковлер А.И.* Антропология права и правовой плюрализм (права человека и права народов) // Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии. М., 2003. С. 24-52
3. *Тодорова Д.* Преживелици от обичайното право във Варненско // Известия на Народния музей Варна, 1988. Т. 24 (39). С. 142-149.
4. *Мошков В.А.* Гагаузы Бендерского уезда. Этнографические очерки и материалы // Этнографическое обозрение (ЭО). 1900, № 1. С. 1-135; ЭО, 1901, № 2. С. 1-44; ЭО, 1901, № 4. С. 1-80.
5. *Квилинкова Е.Н.* Общественная жизнь гагаузского села в XIX – первой половине XX в., отраженная в источниках // Этнографический источник. Материалы III Санкт- Петербургских этнографических чтений. СПб., 2004.

С. 73-81; *Квилинкова Е.Н.* Усыновление и опекуновство в соционормативной культуре гагаузов // Закон и жизнь, Кишинэу, 2005. №4. С. 54-56; *Квилинкова Е.Н.* Некоторые элементы обычного права гагаузов, связанные с брачными отношениями // Закон и жизнь, Кишинэу, 2005. № 8. С. 55-58; *Квилинкова Е.Н.* О регламентации положения женщины в обычном праве гагаузов // Закон и жизнь, Кишинэу, 2005. № 9. С. 27-31; *Квилинкова Е.Н.* Отражение элементов обычного права в гагаузском фольклоре // Закон и жизнь, Кишинэу, 2005. № 11. С. 48-52; *Квилинкова Е.Н.* Формы наказания в Бессарабии в XIX в. за различные виды преступлений // Закон и жизнь, Кишинэу, 2005. № 7. Июль. С. 51-53; *Квилинкова Е.Н.* Отражение элементов обычного права в гагаузском фольклоре // Закон и жизнь. № 11. Кишинэу, 2005; С. 48-52; *Квилинкова Е.Н.* Роль семьи и сельской общины в сохранении народных традиций // Закон и жизнь. № 1. Кишинэу, 2006. С. 51-53; *Квилинкова Е.Н.* Обычай наследования у гагаузов // Закон и жизнь. № 6. Кишинэу, 2006. С. 54-57; *Квилинкова Е.Н.* Разновидности наказаний за преступления и проступки согласно обычному праву гагаузов // Закон и жизнь. № 7. Кишинэу, 2006. С. 41-43; *Квилинкова Е.Н.* Типы семьи у гагаузов в XIX – первой половине XX в. // Закон и жизнь. Кишинэу, 2006. № 10. С. 50-55.

6. Полевые записи автора Е.Н. Квилинковой (далее – ПЗА), Молдова, Болгария.

7. *Квилинкова Е.Н.* Гагаузы Молдовы и Болгарии (Сравнительное исследование календарной обрядности, терминов родства и фольклора). Chişinău, 2005. С. 112.

8. ПЗА, П.Н. Камбур, с. Джолтай; Ф.В. Калежи, ж с. Бешгиоз; И.П. Кадын, с. Бешалма (Молдова); Я.Г. Дафинка, с. Болгарево (Болгария), А.П. Тодорова (Генерал Кантарджиево).

9. ПЗА, Ф.В. Калежи, с. Бешгиоз (Молдова); Н.С. Анастасова, с. Генерал Кантарджиево (Болгария).

10. ПЗА.: Д.Я. Гайдаржиева, с. Болгарево; Д. К. Бошков, с. Кичево (Болгария).

11. Пимпирева Ж. Родствени отношения при гагаузите в България // Българска етнология. 2000. Бр. 3. С. 75-87.

12. ПЗА.: В.И. Петрова, с. Кичево (Болгария).

13. *Шабашов А.В.* Гагаузы. Одесса, 2002. С. 153.

14. ПЗА, за 2002 г. с. Бешгиоз. Руссу В.

15. Местные законы Бессарабии. Перевод Ручной книги законов или так называемого Шестикнижья ... Краткое собрание законов, извлеченных из Царских книг трудами и усердием боярина А. Донича. Одесса, 1908. С. 88.

16. ПЗА, за 2003 г. с. Генерал Кантарджиево (Болгария).

17. ПЗА, за 2001-2005 г. Молдова, Болгария.

18. *Квилинкова Е.Н.* Некоторые вопросы идентификации и идентичности гагаузов // Ежегодник Института межэтнических исследований. Т. VI. Chişinău, 2006. С. 98-103; *Квилинкова Е.Н.* Религиозность гагаузов и формы проявления религиозной идентичности (по этнографическим и архивным материалам XIX – первой половины XX в.) // Этнографические исследования в Республике Молдова. История и современность. Кишинев, 2006. С. 341-363.